

2. Варнавский В. Мировой кризис и рынки инфраструктурных проектов // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №1. – С.38-46.
3. Дерябина М. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. – 2008. – №8. – С.61-77.
4. Клинова М. Глобализация и инфраструктура: новые тенденции во взаимоотношениях государства и бизнеса // Вопросы экономики. – 2008. – №8. – С. 78-90.
5. Клинова М. Государство и частный капитал (в политэкономии Фридриха Листа и в условиях XXI века) // Современная Европа. – 2009. – №1. – С.87-103.
6. Кондратьев В. Корпоративный сектор и государство в стратегии глобальной конкурентоспособности // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №3. – С.24-31.
7. Государство в переходной экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №2. – С.20-31.
8. Никитенкова М.А. Развитие информационной инфраструктуры в США как приоритет государственного регулирования // США-Канада: ЭПК. – 2008. – №12. – С.99-112.
9. Перегудов С., Семененко И. Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №6. – С.58-66; 2009. – №7. – С. 11-20.
10. Букина И. Современные тенденции налогового администрирования в зарубежных странах // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №7. – С.37-42.
11. Кондратьев В. Новый взгляд на государственные предприятия // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №10. – С.116-120.
12. Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. – М.: Наука, 2005.
13. Public – Private Partnership: Ein Leitfaden für öffentliche Verwaltung und Unternehmer (Documentation) // Bundesministerium für Wirtschaft und Arbeit. – 2003.
14. Public – Private Partnership: Financing a Common Wealth. – Washington, 1985.
15. Gerrard M.B. What Are Public – Private Partnership, and How Do They Differ from Privatizations? Finance & Development. – 2001. – Vol. 38. – №3.
16. Державний сектор і функції держави у період кризи / О.Й. Пасхвер, Л.Т. Верховодова, О.М. Кошик, К.М. Агеева, Д.П. Загортюк. – К.: СПД Моляр С.В., 2009.
17. Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / за заг. ред. В.М. Гейця. – К.: НВЦ НБУВ, 2009.

Статья поступила в редакцию 10.05.2010

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО, д.э.н., профессор,
заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики,
Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА И СТУПЕНЬ ОТРИЦАНИЯ КАПИТАЛА

«...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004, с. 458]

Качественные изменения в глобальной экономике обусловлены новым технологическим прыжком пятого цикла, для которого характерно, прежде всего, наличие Software, мультимедиа, доминирование информацион-

ных и биотехнологий, глобальных сетей. Современная экономика усложнилась, изменив свою структуру под влиянием и воздействием

© П.С. Лемещенко, 2010

тех аспектов, которые свойственны, прежде всего, новой экономике. Свойственные для нее проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества проникло во все производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце 20в. – начале 21 столетия.

Но как показывает даже предварительный анализ литературы последних трех десятков лет, больше мифы, чем эвристические истины сопровождают научные исследования, чередуясь с разного рода идеями, гипотезами, концепциями. И такие явления, как кризисы и глобализация здесь не является исключением. Скорее наоборот, потеря современной гуманитарной наукой своих классических оснований и инструментальных атрибутов создает гносеологические условия для всевозможных мифов, очередных догм, выдумок. Понятия «кризис» и «глобализация» из этого же ряда, поскольку, прежде всего, в силу разных *причин* далеко не самым лучшим образом фиксируются качественные и количественные изменения, произошедшие и происходящие в мир-системе¹. Более того, *виртуализация и финансизация* современной экономики не просто способствуют мифологизации. Создание разного рода слухов, мифов, спрятанных под маской научной риторики и авторитетов, в прямом смысле обеспечивают ее жизнедеятельность, поскольку «онаученные» вымыслы, звучащие со всех информационных источников, принципиально меняют мотивы поведения политиков, хозяйствующих субъектов, потребителей. Естественная и научная рациональность последних, обусловленная степенью освоения ими когнитивного ресурса в результате опыта и полученного образования, перешла в плоскость *интерпретативной рациональности*. Речь идет не о сущности явления, а исключительно об интерпретации в необходимом контексте массового поведения сложившейся ситуации. И совершенно неважно, что это соотношение имеет самую отдаленную и даже косвенную

¹ Мир-система в отличие от понятий мировой экономики имеет *качественные* признаки и свойства. В частности к ним относится наличие институтов и отношений, *объединяющих* хозяйственную деятельность и, таким образом, координирующих поведение хозяйствующих субъектов в рамках мирового сообщества.

взаимосвязь. Важно, чтобы, например, большинство игроков на геоэкономическом пространстве поверили, что современный кризис грозит всем (!) и чтобы влиятельные структуры выделили затребованные ресурсы для якобы устранения возможностей и причин того, что назвали «кризис». Сегодня понятие «кризис» подвержено *смысловой инфляции*. Все возможные коллизии, которые происходят в экономике, пытаются определить этой категорией. Но наука развивается через развитие категориального аппарата, и когда разные явления выражают или определяют одной и той же категорией, то, мягко говоря, это уже симптом для науки любой сферы. Что было бы, например, с медициной, и, естественно, с человечеством, если бы все болезни соотносили с одним и тем же понятием, дающим основание для диагноза. Экономическая наука в этом плане уникальна, поскольку, пожалуй, одна из немногих теоретических сфер довольно пренебрежительно относится к своему категориальному аппарату. Может поэтому и уровень ее развития слишком скромный, а авторитет среди хозяйственных практиков и политиков с каждым десятилетием ну уж никак не прибавляется. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [1, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности доминирующей парадигмы экономической теории Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [2, с. 391]. Одна из фундаментальных причин такого положения заключается в том, что теория рыночной экономики (неоклассика) есть ни что иное, как учение об *обмене*, каталлактика по определению Л. Мизеса [3, с. 10]. Это означает, что для более общего и цельного взгляда на экономические процессы необходимо, по крайней мере, вновь обратиться к категории «воспроизводства», а не только к одной его фазе – обмену, который является центральной областью анализа мэйнстрима экономической науки. Ведь именно в нарушении всего воспроизводственного процесса в целом проявляется кри-

зис, обнаруживая острые противоречия и привлекая внимание в последующем и к производству, и к распределению, и потреблению.

«Кризис» (гр. «krisis») – решение, поворотный пункт, исход), таким образом, это исход, к которому приходит система, ориентируясь уже на новую волну в своем развитии. Это означает, что каждый более или менее значимый кризис, поражающий не просто какую-то отдельную фазу, а весь процесс воспроизводства, *требует перехода на качественно новый уровень всей системы хозяйственных отношений, их форм и институтов. Исключением не является и образ мышления*, который также охватывает своим влиянием лишь определенный период времени. К сожалению, этот фактор, фактор мышления и теории, царящие в тот или иной период как наиболее влиятельные, никак не учитываются экономистами, занимающимися циклической динамикой. С нашей точки зрения, *одной из самых важных причин* постоянно повторяющихся кризисов в последние 50-60 лет, является именно *однообразность и стандартность мышления*. Но в оценке последнего все-таки требуется выяснить, чего здесь больше: естественного заблуждения, обусловленного инерционностью человеческой логики, или все же того, что устойчивая стандартность и единообразие мышления большинства населения искусственно поддерживается для мягкого регулирования и извлечения явных и не явных выгод.

Все циклы бума и спада, поражавшие разные страны как до промышленной революции, так и после, трудно охватить даже в сжатой форме. Но в оценке литературы по экономической динамике можно обнаружить несколько закономерностей. Во-первых, почему-то изучение динамики связывалось только с экономическим ростом продукта и доходов, хотя логично было бы предположить, что любой рост рано или поздно должен потерять свою движущую силу и смениться падением экономической активности. Во-вторых, опять-таки исследования роста никак не связывались с источниками, причинами, формами, показателями и пр. атрибутами социально-экономического *развития*. Но ведь без этого динамика никак не может быть полной. В-третьих, понятие «кризис», видимо, в угоду чьим-то идеологическим интересам вообще было выброшено из научного оборота, заменившегося «рецессией». И только события 2008 г. с их жесткими последствиями позволили весьма активно реанимировать категорию

«кризис». В-четвертых, анализ обширной литературы по циклам и кризисам показывает, что абсолютное большинство авторов циклы связывает лишь с кредитной экспансией без всяких оценок каких-либо качественных изменений, что не соответствует действительности. Ведь экономика имеет тенденцию к развитию, а это последнее есть ни что иное, как переход к новому качеству.

Однако, если, например, даже обратиться к кризису 1349 г., то он также был связан с кредитной экспансией. Он длился около тридцати лет, закончился уничтожением огромных богатств, банкротством банков, а Флоренция в результате стала средиземноморским центром финансовой и торговой деятельности. Это при всем при том, что население этого центра резко сократилось от чумы, а денежный доход и цены в результате этого существенно возросли, поскольку монеты не тезаврировались. Подобного рода кризисы сферы товарно-денежного обращения решительно подталкивали для своего преодоления к географическим открытиям, одновременно отлаживая эту сферу обращения. Обмен информацией и опытом между людьми разных регионов обусловил накопление знаний и использование таких форм организации кустарного производства, как кооперация и мануфактура.

Старт *промышленной революции* положили по хрестоматийному определению аккумуляция научных знаний и открытие Дж. Уаттом в 1757 г. конденсатора, который породил новый источник энергии – паровой двигатель (патент 1784 г.) и, конечно, с нашей точки зрения новую эпоху, новую эру и новый экономический цикл развития. Вокруг этого изобретения начинает вращаться вся хозяйственная система. Но возникает тонкий вопрос: а действительно ли создание этого важнейшего изобретения, заложившего основы новой человеческой цивилизации, связано лишь с кредитной экспансией? Ответ, на наш взгляд, на этот вопрос не просто отрицательный: открытие нового источника энергии, создавшего промышленность, было сделано вопреки этому. Более того, это и другие научно-технические изобретения для кредитных учреждений выступили материальным и *нравственно-моральным залогом* для финансово-кредитных учреждений, изменивших их ростовщическую идеологию. Возможность серийного производства товаров обусловило снижение цен на популярные товары, а замещение труда основным капиталом, когда машины стали произво-

дять машины и технику, привело к удешевлению новых капитальных благ. Это в свою очередь расширило базу ссудного капитала. Еще в 1807 г. было замечено, что паровая машина стоит в два раза дешевле тех лошадей, которых она заменяет. Без этих и других научных открытий и будущих изобретений никакая кредитная экспансия не привела бы к каким-либо качественным изменениям. Этими фрагментарными замечаниями мы хотели бы устранить *однобокое понимание причин циклов и кризисов*, которые связывают лишь с кредитными интервенциями. Действительно, последние много значили как в создании кризисов, так и в их преодолении, но они однозначно не исчерпывают все богатство и сложность человеческого бытия и, следовательно, хозяйственного процесса².

Формально возможность кризисов состоит в распадении акта купли-продажи на два самостоятельных акта купли и продажи. Такое разделение произошло с появлением денег и внедрением их в товарное обращение, в результате чего купля и продажа распались в пространстве и во времени. «...Кризис в его первой форме, – писал К.Маркс, – есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи» [4, с. 567]. Но это всего лишь *необходимое* условие для кризиса, когда пространство и время отделяются друг от друга.

Достаточное условие формируется промышленным переворотом и использовани-

² Можно для примера привести ситуацию в России в начале 90-х годов прошлого века. Как известно, решительные и системные преобразования в СССР привели к полному расстройству кредитно-денежной системы буквально во всех бывших союзных республиках и России в том числе. Конечно, это не могло не сказаться и на всех остальных секторах экономики. Какое же было удивление, когда, выполняя проект Мирового Банка по изучению крестьянских хозяйств России в этих условиях, было отмечено, что эти хозяйства не только не умерли, но даже окрепли и создали потенциал к своему развитию. Как известно, хотя и были отбракованы в этот период худшие предприятия, все же потенциал к своему развитию сохранила не только Россия, но и другие союзные республики. Правда, это более успешно получилось в тех уже независимых республиках, которые проявили самостоятельность от мировой финансовой системы и где-то даже от своих «родных» банков. Бартер помог предприятиям выжить, а коммерческие векселя и создали лучшие условия для своего восстановления.

ем крупной машинной индустрией в массовом производстве товаров. Существенное изменение в системе производственных отношений произошло, когда техника стала производить технику. Воспроизводство дополнилось не только дополнительным потоком обращения и капитального потребления, но еще возникший рынок труда приобретает *устойчивый* характер и качественные изменения. С одной стороны, формируется общественный характер производства под влиянием роста масштабов производства, где используется в массовом масштабе техника и узко квалифицированные рабочие, а с другой – происходит специализация капиталов: торговля оказывается в руках торгового капитала, денежное обращение и кредитование – банков, а само производство аккумулируется в руках промышленников и аграриев. Хозяйственно-экономические цепочки, хотя и требуют устойчивого характера, однако под влиянием всех этих изменений становятся зависимыми от случайных колебаний всех видов рынка и особенно рынка денежного. И этот посредник товарного обращения приобретает все больше самодовлеющее влияние и значение. Но самое интересное заключается в том, что банки как главный ссудно-денежный институт этот статус доминирующий силы приобретают *юридически абсолютно незаконно*, но под влиянием технико-экономический и социальных изменений вполне *оправданно*. Ведь любой вкладчик не поручал, и это не отражается в договоре депозита, отдавать свои деньги в форме кредита. Т.е. банки используют чужие ресурсы, но распоряжаются ими как частной собственностью.

Институт денег в форме банков и других соответствующих учреждений, с одной стороны, способствует снижению транзакционных издержек частоте и чистоте функционирования фазы *обращения*, а с другой – позволяет в больших масштабах аккумулировать *капитал*, *обеспечивая его концентрацию и централизацию*. «Ремесленников и кузнецов, – пишет например Ф. Хайек, – боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосознанного качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!» [5, с. 179]. И действительно, фетиш денег и банков в реальности, и в сознании особенно сегодня незаслуженно раз-

дуг, что создало условия для как бы (?) признанного сообществом перераспределения создаваемого продукта и стоимости.

Кризис 1825 г. по преимуществу был английским кризисом, поразившем в основном торговую сферу и, следовательно, торговый капитал. Этот кризис подтолкнул рост капитала и рынков вширь и вглубь, распространяясь по всему миру. Принципиально этим кризисом было отрицание кустарного и ремесленного производства, ограничение цеховых ограничений.

Благодаря созданию паровозного двигателя, новым методам плавки стали активно начинаться финансирование железнодорожных путей. Формируется *фондовый рынок* в основном из акций железнодорожных компаний. Частной инициативе объективно не хватало средств – частного капитала и поэтому этот феномен был обусловлен новой ассоциативной формой – *акционерной*. Так начиналось *спекулятивное движение*, которое продолжалось вплоть до 1846 г., когда снова в Великобритании разразился экономический кризис. Интересно заметить, что 19 июля 1846 г. Англия под руководством Пиза приняла Акт о чартере Банка Англии, который представлял собой триумф денежной школы Д. Рикардо. Согласно этому Акту запрещалось выпуск банкнот, не обеспеченных золотом на 100%. Однако эти запреты не распространялись на депозиты и кредиты, объемы которых увеличились где-то в пять раз, что усилило спекуляции, проявившимися в кризисе 1847 г. Но его положительной стороной было развитие отраслей горнодобывающей промышленности, железнодорожного строительства, роста компаний, производящих капитальные блага, а также освоение капиталом новых территорий и сфер.

Но день 22 августа 1857 г. стал настоящим днем паники в Нью-Йорке, когда многие банки приостановили свои операции. *Это был первый мировой кризис на базе промышленного капитала*. Он поразил стихийные и хаотичные формы рыночных отношений, потребовав более устойчивых экономических форм и организаций. Этот кризис существенно ослабил и авторитет, и научную славу А. Смита и Д. Рикардо. Ведь последние предсказывали стихийным рыночным экономическим формам абсолютно бескризисное развитие. Этот кризис обострил не только экономические, но и социально-нравственные противоречия. В традиционную идеологию того периода медленно, но настойчиво внедряется идеология пролетариа-

та с ее элементами критики капитала, справедливости и стабильности, революционной борьбы. Но этот кризис вызвал к развитию строительство, промежуточных процессов производства, укрепление и *централизацию банковского капитала*, хотя некоторым банкам пришлось закрыться и потерять свою коммерческую самостоятельность. Вышедшие из кризиса укрепленные за счет промышленного капитала банки активизируют спекулятивные операции с акциями железных дорог, строительных компаний, сталелитейных фирм. В институциональном плане интересна категория цены производства, которая в отличие от стоимости через специфическую конкурентную борьбу объединила капитал, выразив это через своеобразный принцип поведения: «равновеликая прибыль на равновеликий капитал».

Итог – кризис 1873 года. Он начался в США, а поводом кроме всего послужила Гражданская война, потребовавшая увеличения затрат на ее ведение. Примечательно, что Франция, которая воздержалась от кредитной экспансии, избежала этой паники и последовавшей за ней тяжелой депрессии. *Принципиально результатом этого экономического кризиса* явилось отрицание индивидуальных форм капитала и устойчивое влияние капитала *ассоциированного - акционерного*. Последний стал более организованным и контролируемым, более прозрачным для управления и контроля. Сформировались основные сети транспорта, использование телеграфа изменило и ускорило систему банковских расчетов, усилив одновременно возможности и масштабы спекуляций на фондовом рынке. Абсолютно непонятная и для нормальной теории деятельность *бирж* стала символом или своеобразным «капиталистическим госпланом» для текущей оценки эффективности и ориентиром будущих инвестиций. Накопление знаний в области электричества и изобретение динамо-машины открыл новую сферу вложения капитала – *электроэнергетику*. Электростанции, телеграфно-телефонные станции, метро, судостроение и пр. выступили главными объектами капитальных вложений, которые организовывались с помощью акционерного капитала. Но недооценка возможностей частных потребителей и ограничение спроса подвели к кризису 1903-1907 г.

Это уже был кризис *акционерного капитала*, который настоятельно требовал поиска иных, более прочных хозяйственных связей. Выход из этой ситуации нашелся в монополии

как главной политико-экономической форме, которая предопределила в различных видах своего существования мировое экономическое на целое столетие. Этот кризис больше всего поразил Россию и, по сути, послужил прологом революции 1905-1907 гг., изменив сознание миллионов людей. В США в этот период также лопнуло множество банков. *Факт империализма* как новой и особой стадии развития капитализма с его существенно изменившимися классическими признаками свободы и конкуренции был зафиксирован в ряде теоретических работ, хотя поиск объяснения нового феномена монополий как главного объекта хозяйствования не прекратился по сей день. Здесь, наверное, срабатывает навеянные романами классиков чувства ностальгии по каким-то старым, хотя и вряд ли добрым временам, когда срабатывали разрушительные силы конкуренции. Конечно, монополия, возникнув, существенно изменила и сам хозяйственный мир в целом, и мир капитала, подчинив а где-то и поработив более мелкий бизнес. Но если ее отменить, то сам рынок и капитал просто умрут. Ну и потом, а какой индивидуальный мелкий предприниматель не мечтает стать монополистом или объединиться с последним? Однако выйти из круга влияния *монопольной цены* как главного инструмента регулирования экономики стало достаточно сложно, если вообще возможно. Важно также подчеркнуть, что хозяйствование на основе монополий – это уже принципиально новый порядок отношений, где рынок носит вспомогательный характер.

Для выхода из этого кризиса появилось немало новых возможностей: изобретение радио, существенные практические достижения в области химии и нефтехимии, автомобиле- и станкостроение, разработка и производство самолетов. Революция в России 1917 г., с одной стороны, отсекала часть рынков сбыта и источников сырья, а с другой – потребовала от остальных стран и капиталов интенсифицировать свою деятельность, чтобы избежать возможных подобных социальных потрясений и у себя в странах. Возникновение *монопольно-банковских* союзов значительно расширило возможности и силу по виду частного, но по существу ассоциированного – *финансового капитала*. Конечно, банки, получившие поддержку крупных промышленных монополий, начали в нарушение всех ранее принятых правил и обязательств наращивать денежную массу. Ведь законы денежного обращения банки

трактуют по-своему и в своих интересах. Например, М. Ротбард вычислил, что денежная масса США выросла с 37 млрд долл. в 1921 г. до 55 млрд долл. в январе 1929 г. Это совпадает и с теми оценками, которые сделали М. Фридмен и А. Шварц [6, с. 367]. Военная экспансия монополий и политика соответствующих стран наращивала экономическую мощь стран выпуском соответствующей милитаристской продукции и товаров для армии. Принципиально же изменилось на этот период соотношение доминант в политико-экономической системе – мира финансов и мира производительного капитала. Именно последние определяли политику и генерировали цикл.

Общим итогом такого развития периода трех десятилетий начала 20 века опять-таки явился *кризис 1929-1933 гг.* Но это уже был кризис мирового масштаба, поразивший с необычайной глубиной почти все индустриально развитые страны. По существу – *это кризис финансово-монополистических форм хозяйствования* и соответствующих производственных отношений. Конкретным поводом этого явилась попытка кредитной экспансией удержать монопольно высокие цены, обеспечив при этом необходимый сбыт продукции. Но не только. Интересно еще и то, что этот кризис абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви.

На тот период профессор И. Фишер³ был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [7, р. 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. А самым разрушительным был вторник 29 октября, когда продавались 33 млн акций, и рынок упал еще на 49 пунктов. Между 1929 и 1932 гг. из 24000 банков более 5000 разорились. Валовые инвестиции сокра-

³ В этом кризисе И. Фишер потерял все свои личные сбережения, которые он накопил на разработке калькулятора. Но самое страшное было то, что его ошибки в прогнозах нанесли сокрушительный удар по его академической репутации. Обычно из учебных книг читатели узнают его лишь как автора известного «закона денежного обращения Фишера», хотя у Маркса этот закон значительно богаче, да и высказан значительно раньше.

тились с 15 млрд долл. в 1929 г. до 1 млрд долл. в 1932 г. Безработица в США в 1933 г. охватила около 27% активного населения страны. В других странах показатели экономической динамики показывали еще большую стагнацию и упадок. Число банкротств банков и предприятий (особенно малых и средних) по сравнению с кризисом 1907 г. выросло в десятки раз. Разорившиеся банки привели к «экспроприации» (!) вкладов миллионов вкладчиков и дали толчок к дальнейшей централизации капитала. Этот кризис был уже не только кредитным, но и валютным кризисом, крушением золотого стандарта почти во всех странах и обесценением их национальных валют. Возникли блоки - «стерлинговый», объединившие Англию и ее колонии, «долларовый», понятно, во главе с США, «золотой блок» стран, придерживающихся золотого стандарта (Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия, Чехословакия). Кульминационным пунктом кризиса явился отказ национальных государств от платежей по своим займам, т.е. банкротство государственных финансов. Существенно нарушилась и система международного кредита и расчетов, поскольку активизация международных экономических отношений требовала устойчивого эквивалента, принимающего участие в товарообменных операциях. Итак, *мировой экономической кризис 1929-1933 гг.* насильственно отверг прежние экономические формы – *монополии* (промышленные, банковские, промышленно-финансовые группы) и потребовал новой, которая бы уже на общественном уровне обеспечивала снижение остроты конфликтов и разрушительных стихийно-рыночных сил от кризисов, иных противоречий. Такой новой политико-экономической формой выступил *государственно-монополистический капитализм или ГМК (ГКК – государственно-корпоративный капитализм*, если использовать нейтральную терминологию).

Сильные политические рычаги государства, дополненные финансовой мощью, сориентировали экономику почти всех стран мира на военные заказы. Возникли и фашистские диктаторские режимы в Европе, которые развитием экономики в этом милитаристском направлении снимают социальное напряжение в своих странах, чем усиливают свою власть и личные амбиции политических лидеров. Конечно, следствием этого является поиск иных горизонтов по поиску новых источников сырья, рынков сбыта, дешевой рабочей силы. По-

этому вторая мировая война явилось естественным продолжением общего кризиса рыночной цивилизации, с одной стороны, а с другой – формой разрешения этого кризиса. К сожалению, данные о накоплении частных монополий в период этой войны мало публикуются по понятным причинам, но даже из официальной статистики можно увидеть, что американский и немецкие капиталы на этом «проекте века» получили баснословные прибыли. И дело здесь вовсе не в лидерах, имперские качества личностей которых часто называют в качестве причины этой войны. Эти политики, если даже бегло взглянуть на историю их карьеры, явились естественным и удобным орудием большой закулисной игры уже на мировой орбите отношений. Оформился в результате новый экономический порядок, когда идеи традиционного классического либерализма были заменены *государственным империализмом*, основанном на монопольно-банковском союзе, или *финансовом капитале*. Как известно, теоретическое обобщение последнего проходило в весьма жаркой полемике разных школ. Но победила практика финансового капитала, оставив не влиятельным на общественное мнение теоретикам иногда говорить по существу природы этого явления.

Таким образом, принципиальными изменениями периода ГМК явились новая экономическая идеология в мире, иные инструменты регулирования (прогнозирование и индикативное планирование), новая валюта (1944 г., Бреттон-Вуд). *Конкуренция смещается из экономической сферы в область территориально-политическую, ориентируя на передел рынков и территорий.* Началась снова подготовка к войне, ведь кроме всего прочего военные заказы обеспечивают суперприбыли, которые никак не вписываются ни в одну теорию рынка. С завершением второй мировой войны оформилось *в систему капиталистическое хозяйство*, равно как и социалистические страны приобрели свой новый качественный статус и влияние в мире. Этот факт трудно отрицать. *Историческим фактом* является и то, что начинается новая волна национально-освободительных революций в развивающихся странах, разрушивших *колониально-политические и военные формы* извлечения доходов индустриально-развитыми странами. И никаких равных рыночных отношений, воспеваемых неоклассиками, между колониями и метрополиями никогда не существовало. На этот момент дешевого сырья и рабочей силы, а также

дополнительный рынок сбыта потребительских товаров по завышенным ценам просто академически не обращалось внимание. В 1933 г. хлопок составлял почти 85% экспорта Египта уже в США, в 1955 г. джут и хлопок составляли 75% экспорта Чили, 91% экспорта Цейлона составляли чай, каучук, кокосовый орех и пр.

Государственные инвестиции и государственное потребление, поддержанное, безусловно, банковским кредитованием, «разогнали» экономику ведущих и «ведомых» стран⁴. Для этого возникла новая и технико-технологическая основа: в 1935 г. изобретают нейлон, автомобиле- и авиастроение, амыкают формирование *транспортной сети*, которая необходима для физического перемещения капиталов и услуг. В 1946 г. изобретают компьютер, положившего начало *новой сети – информационной*, модифицировавшей почти все виды технологий производства и существенным образом изменила финансово-денежную систему. Экономическое пространство уже больше не могло являться преградой для так называемых экономических операций, если возникали мотивы и условия спекулятивных бизнес-проектов. Понятие «инвестиции» также теряет свой первоначальный воспроизводственный смысл, приобретая в то же время фиктивное по сути содержание.

Тут мы вынуждены заметить, что через кредитование пытаются финансово-банковские структуры стимулировать деятельность бирж как *основного посредника* между производителем и спекулятивным капиталом. *Парадокс заключается в следующем: кредиты выдавались и выдаются банками для поддержания курса акций, где последние, не имея никакой кроме фиктивной ценности, выступают гарантом платежеспособности.* «Прибыли фондовой биржи, – пишет Ф. Хайек, – заработанные в период повышения стоимости капи-

тала в денежном выражении, которые не соответствуют пропорциональному увеличению капитала сверх объема, требующего для воспроизведения эквивалента текущего дохода, и не являются доходом (подч. – П.Л.), а также их использование для потребления, могут привести к разрушению капитала» [8, р. 83-134]. Поэтому фиктивный капитал, помноженный на фиктивные прибыли, инициируемые государственным империализмом, породили очередной мировой экономической кризис 1974-1975 гг. Но это уже *качественно новый кризис – это кризис государственного монополистической стадии эволюции капитала*. Начинается абсолютно новая волна либерального движения, которая потеряла, по существу, связь со «старым» классическим либерализмом, в котором все атрибуты свободы и институциональные нормы поведения связывались с производительным капиталом. С этого времени категория «капитал» приобретает достаточно размытый смысл, а понятие «капиталист» вымывается из естественного культурного и экономического оборота. «Предприниматель», «бизнесмен», «деловой человек», «принципал» и пр. – вот это уже новые носители экономических отношений. Уже неважно, что ты произвел или «сотворил», но важно, чтобы ты достиг финансового успеха. Здесь произошел еще больший отрыв от норм экономической этики А. Смита. Новая экономическая этика отношений потребовала и исключения из норм общения категории «наемный рабочий», которое заменяется понятием «экономический агент». Проповедуется равенство всех возможностями финансовой игры на бирже. Правда, открытым все-таки остается вопрос, а кто все же является организатором этой казино-экономики и кто составляет эти правила игры, в которых первым является правило: кто первым начинает, тот и выигрывает. С этого времени начинается и совершенно новая эпоха в эволюции, мы специально не говорим развития, экономической науки, ибо в рамках мейнстрима акцент с главной эвристической функции смещается к идеолого-психологической как главной и наиболее значимой для общественного мнения, имеющего фундаментальное значение именно для финансового сектора. Эту закономерность, кстати, можно проследить и по изменению тематики Нобелевских премий в области экономики конца 70-х, всего периода 80-х и начале 90-х годов, когда силой авторитета этой награды не просто подтверждают и значимость научного вклада, а еще и привлекают к активиза-

⁴ В эти годы формируется новое «общество массового потребления», которое встраивается в общую экономическую идеологию рыночной цивилизации, функционирующей на американской основе социально-политических ценностей (См.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1968; Экономические теории и цели общества. М., 1976). Эта же идеология получает распространение и в 3. Европе, хотя и несколько корректируется в соответствии с ценностями и ресурсами, возможностью влияния на мировое перераспределение ресурсов и товаров.

ции массового поведения, имеющего для игр финансовой сферы первостепенное значение.

После кризиса 1974-1975 гг., таким образом, идет интенсивный процесс *отрицания* индивидуально-национально-капиталистических экономических форм и активизации развития *форм международных и ТНК*. Международные связи и отношения монополий усилились необычайно на всех уровнях и во всех регионах мира, а их роль в мировой политико-экономической системе также неизмеримо возросла. И хотя статистике в силу крайней запутанности организационно-правовых форм международного бизнеса необычайно сложно отразить объективно численность и *политико-экономическую силу международных монополий и ТНК*, все же вряд ли кто будет отрицать почти абсолютную 100-процентную *контролируемость* (!) ими финансово-денежных трансакций мира, доминирующих технологий и энергоресурсов, более чем 90 %-й оборот международной торговли, а также факт принадлежности около 80 % активов и продукции промышленного производства, 70 % используемой совокупной рабочей силы предприятиями, доля которых составляет примерно 0.1 % их общего количества. К сожалению, ни микро-, ни макроэкономическая теории, как две основные части «антимарксизма», если использовать известное название работы, не дают качественного анализа кризисов, их движущих сил и превращений, ведущих к новому качеству и дающих возможность социально-экономических прогнозов развития. По этому вопросу занимающийся проблемами кризисов Р. Холл приходит к наиболее наглядному заключению: «Общепринятые модели (микро-макроэкономики – П.Л.) бесполезны для понимания этой рецессии (1990 г. – П.Л.), как большинства ее предшественников» [9, р. 275-279].

Кризисы 1987 г. («черный понедельник» 19 октября этого года на Нью-Йоркской фондовой бирже, давший старт краху фондовым рынкам Японии, Англии), а также 1991, 1998 гг., с одной стороны, углубили разрушения национальных форм капитала, валюты, национальных рынков, воспроизводственных систем, ослабили влияние национальных институтов, а с другой – методом «проб и ошибок» создавали условия и формировали сложный и... почти никем не контролируемый *глобальный капитал*. Кризис и распад социалистической системы хозяйствования в конце 80-х начале 90-х годов, с одной стороны, снял остроту

назревших противоречий западного капитала, что легко доказывается статистикой, а с другой – расширил экономическое пространство и социальную базу для своего функционирования. В-третьих, и это, пожалуй, важнее всего, *глобальный капитал* выиграл сражение в конкуренции с социализмом, чем получил моральную индульгенцию на все те неблагоприятные поступки, которые он начал нести и которые сегодня начинают вызывать осуждение обществу и не только со стороны антиглобалистов. Но именно со времени сдачи своих позиций странами, которые сегодня получили название постсоциалистических, начали говорить о глобализации как закономерном и объективном явлении. Со своей стороны добавим, что в глобализации заключается огромный пласт субъективного и корпоративного, поскольку это есть не что иное, как проект. Чей, каков планируется его результат, какой механизм его работы? Эти и многие другие вопросы еще не созрели для того, чтобы на них были получены правильные принятые сообществом ответы.

О глобализации писали немало, но почему-то в этом процессе не представили самого главного – *глобального капитала* как системообразующей количественной и качественной субстанции. С нашей точки зрения такой субстанцией современного мирового хозяйства, мир-экономики, а, следовательно, и глобального капитала является не стоимость, не ценность, не деньги, не материальные активы и даже не финансы. Эти все компоненты уже не имеют решающего значения, ибо они лишь обслуживают функционирование глобального капитала мир-экономики в рамках традиционных форм остальных капиталов, а *институциональная ценность*. Это в высшей степени субъективированная категория подобна бренду товара, но широко выходящая на уровень формирования социально-политических и нравственно-этических и других норм и правил, которые *формируют* современное мирохозяйственное сообщество и *регламентируют* поведение не только субъектов хозяйствования, но и политических акторов, потребителей и пр.

Расширим понятие глобального капитала оценками известных авторитетов. Дж. Стиглиц пишет: «Глобализация экономики оказалась выгодной странам, которые ею воспользовались для выхода со своим экспортом на новые рынки и обеспечили условия для притока иностранных инвестиций... Но даже если это так, странами, получившими наибольшие выгоды,

оказались те страны, которые взяли свою судьбу в собственные руки и осознали роль, которую государство может сыграть в развитии, вместо того, чтобы положиться на саморегулирующийся рынок, который выдвигает свои собственные проблемы. Но есть еще миллионы людей, на благо которых глобализация не сработала. Многие из них стали жить хуже, поскольку их рабочие места ликвидированы, а их жизнь стала менее безопасной. Они видят, что их демократии подорваны, а культуры подверглись эрозии. ...Глобализация не только не будет способствовать развитию, но и будет продолжать создавать бедность и нестабильность» [10, с. 285]. «... Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными; кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются... Идеология рыночного фундаментализма... глубоко и безнадежно ошибочна. Именно рыночный фундаментализм, – отмечает Дж. Сорос, – сделал систему мирового капитализма ненадежной, ибо он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, рыночные силы, если им предоставить полную власть в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и, в конечном счете, могут привести к падению мировой системы капитализма» [11, с. XVII, XXIII]. А вот что пишет Business Week в 2000 г.: «Оборотной стороной глобального капитализма, – утверждают авторы известного журнала, – является распад целых обществ до такого поведения транснациональных корпораций, которого никогда не потерпели бы на Западе... В глобальной экономике во многом еще царит эпоха баронов-разбойников» [12, р. 43]. Приведем также высказывание Л. Туроу относительно механизма функционирования глобального капитала: «Чтобы могла работать глобальная экономика, – пишет Л. Туроу, – потребуется в значительной мере пожертвовать национальным суверенитетом... В течение некоторого периода времени мировая экономическая игра будет происходить в среде, где правила изменчивы – и не вполне понятны. Даже когда они будут написаны и известны, неясно, кто будет проводить их в жизнь. В периоды кусочного равновесия уровень неуверенности чрезвычайно повышается» [13, с. 166].

А если учесть, что в современной мир-экономике лишь 2 % из всех транзакций при-

ходится на транзакции по реальным товарным операциям, а остальные приходится на спекулятивные «сделки» (!), то, как никогда будут понятны слова Дж.М. Кейнса, высказанные на заре формирования монополистического капитала с его устремлениями извлекать монопольные прибыли: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [14, с. 224]. Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся сегодня производством (!?) лишь транзакционных издержек посредством финансовых операций и извлечением по существу *глобальной ренты*. Эта подозрительность существенно изменила отношения как между странами, так и внутри них, усилив неопределенность, риск, а также поставлены под сомнение демократические ценности и права частной (!) собственности – основу капитала.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях, *основательно обособились от стран, производящих реальные блага*. В свою очередь эти последние обособились от стран, поставляющих на мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI века сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу мировой рынок – это *монополизированный рынок* без конкурентов. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники, контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90% высокотехнологического производства.

Произошло *усиление разрыва* не только между богатыми и бедными, но и *между богатыми и бедными странами* в целом. На конец XX в. на 20% мирового населения богатейших стран приходилось 86% мирового валового продукта, на низшую пятую часть лишь 1%. Постиндустриальные страны также лидируют по масштабам загрязнения окружающей среды, хотя их доля в мировом ВВП и населению значительно меньше этой величины. Сложилась ситуация, когда жить так, как расточительно живут богатые страны ни сегодня, ни в будущем жить невозможно. Ватикан это назвал следующим смертным грехом... Поэтому *вне процессов глобализации* остается более 2 млрд жителей мира, доходы которых обеспечивают лишь минимальные возможности фи-

зического существования. И это вызывает протест, в совершенно различных формах и совершенно разных людей по своему социальному статусу, доходам, образовательному уровню и пр. Налицо острейший *институциональный конфликт* современной мир-системы, в основе функционирования которой лежит глобальный капитал – создана *антиэкономика*, утерявшая первоначальный свой смысл – человеческой деятельности, равно как и классические либеральные традиции. И если имущественное неравенство, вскрытое Марксом, сегодня сглажено и заретушировано разного рода теориями, то *информационно-статусное неравенство*, осознанно к тому же культивируемое, практически полностью исключает демократические принципы человеческого общения, свободу выбора и поведения. И это создает крайне серьезную угрозу западной цивилизации с ее ценностями. Американский психолог А. Маслоу так характеризует тип современного западного человека: «Каждый век, кроме нашего имел свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой – святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, – хорошо приспособленный человек – это очень бледная и сомнительная замена». Средний американец, как вытекает далее из его оценки, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще ничему [15, с.388].

Таким образом, *рентная мотивация* – это один из первых признаков современного глобального капитала, а *глобальная рента* является ее конкретным видом проявления, механизм формирования и изъятия достаточно сложен и мало изучен [16, с. 3-21]. Но сегодня это *главное противоречие этапа глобального капитала*. Современный кризис высветил, что национальные рынки и не только финансовые, но и товарные, рынок физических активов капитала и труда, рынок идей и пр. утратили свое состояние *устойчивости* и формирования *тенденции развития*, а также сложившиеся формальные институты не обеспечивают защиты собственности в рамках тех критериев нравственности и справедливости, выработанные еще А. Смитом. По сути, это было главное завоевание капитала, которое обеспечивало стимулы для снижения затрат, повышения эффективности и, таким образом, формировало условия для *развития*. А сегодня это *основное противоречие* этапа глобального капитала.

Подчеркнем, что речь идет не о правах собственности, о чем обычно говорят. Глобальный капитал нарушил основные нормы поведения капитала как главного экономического института рыночной системы – обеспечение равновеликой прибыли на равновеликий капитал. Острота противоречия очевидна: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но никак не координируются с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические. Нравственно-этические законы и принципы вообще исчезли из правил человеческого общения в этой эпохе. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» (подч. – П. Л.) [17, с. 55].

И это действительно так. Реально названное противоречие выразилось в том, что молниеносно преобразуясь и концентрируясь благодаря информационным технологиям, «новый» фиктивный капитал спровоцировал или, что называется, *создал ситуацию 2008 года, которую тоже назвали кризисом*. И действительно, некоторые критерии реальной ситуации вполне соответствовали понятию «кризис». Особенно это относится к падению котировок известных компаний «старого капитала» тяжелых активов, которые составляют надежный остов реальной экономики, но которые уступили свое право оценивать силу и цену своего бизнеса. Это фундаментальный парадокс практики глобального капитала, но еще больший парадокс того, что такая практика признается *рациональной*, хотя иррациональность движения фондового рынка очевидна. А поскольку, таким образом, падение курса акций известных компаний автоматически поставила последних перед кредиторами в разряд должников из-за снижения или даже простого «обнуления» экономического обеспечения кредитов в банках, то, как бы (?..), вполне естественным выглядит передача акций за символическую плату тем, кто владеет на текущий

период ликвидным материалом, т.е. банкам или финансовым компаниям.

Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. А для этого создал *особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений*, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. То есть ни к кому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансово-денежного капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а *предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки* и другие негативные последствия. Нобелевский лауреат по экономике М. Алле пишет: «В действительности глобалистская экономика, которую представляют нам в качестве панацеи, знает один единственный критерий – «деньги». У нее есть один культ – «деньги». Лишенная каких-либо этических соображений, она может лишь сама разрушить себя» [18, с. 143]. Представляется, современный мировой экономический кризис вполне своими результатами и последствиями доказывает разрушение глобального капитала, чем создает предпосылки на новое качество – *метакapитал*, соединяющий многие черты прошлого, сложного настоящего и, безусловно, будущего.

Таким образом, современный кризис мирового хозяйства глобального капитала – это кризис парадигмы самого капитала не только в практике, но и в теории. Мягко скажем, в нем больше сознательного и планируемого, нежели стихийного. Мир-экономика сегодня представляет собой многоукладную систему, в которой взаимодействуют простое товарное производство, малый, средний и крупный фирм-аутсайдеров, монополии, банковские монополии, финансовый капитал, ТНК. Эту сложную для изучения и для эффективного управления пирамиду «возглавлял» до настоящего времени *глобальный капитал*, который и задавал правила, нормы поведения всей системы мир-

системы, ее циклы и траекторию. Сегодня эта сложная пирамида серьезно закачалась в том числе и под влиянием кризиса. Какая следующая ступень? Эта тема отдельного непростого анализа и разговора для экономической науки. Тот же П. Кругман пишет: «...История предполагает, что экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих» [17, с. 458].

Сегодня можно наблюдать всего лишь очередной этап формирования мир-системы, в котором компьютерные технологии смогли обеспечить новую сеть – информационную. Но надо заметить, что сеть эта, не взирая на растущее число пользователей Интернет, крайне усеченная. К тому же в *ней информация достаточно структурированная с точки зрения доступа к ее различным базам данных. Новый метод коммуникации породил удивительное сочетание правды и вымысла, что само по себе подрывает доверие к данному источнику информации. А без этого, как известно, какая-то серьезная аналитическая деятельность теряет свою основу и перспективу для применения. О мир-экономике можно говорить в смысле взаимодействия целого и частей, т.е. региональных экономик, которые в какой-то степени могут оказать влияние на ее равновесие, жизнедеятельность, тенденции к развитию. Важный аспект раскрытия сущности глобализации заключается в поиске того, как она влияет на реальное изменение поведения человека и взаимоотношений между другими хозяйствующими субъектами.*

Представление о глобализации как *неизбежном* процессе оказывает влияние на *унификацию* и строго регламентированные *рамки* хозяйственных процессов. Безусловно, что пространство сокращается, видоизменяя свои формы, а время уплотняется под влиянием развития технологий и средств коммуникации. Однако, если оценивать *возможность* современного человека по отношению *к своим целям, желаниям*, то, пожалуй, эта величина остается более или менее неизменной. Глобализация «поражает» те сферы и регионы, которые уже имеют некоторую однородность зрелости развития и, следовательно, унификацию. Поскольку современный мир даже в некотором своем целостном образовании представлен *крайне диспропорциональным и неравномер-*

ным уровнем развития, то также и глобализация по-разному воздействует на отдельные регионы, страны, сферы, хозяйствующих субъектов. Соответствовать или не соответствовать духу времени глобальных процессов является делом участников происходящих в мире социально-экономических процессов. Следует просчитывать выгоды и издержки от данного явления. Например, Республика Беларусь значительно меньше пострадала от финансового кризиса 1998 г. по элементарной причине – слабой интеграции в мировые финансовые структуры. Безусловно, международные институты и сообщества могут пытаться и пытаются установить единые стандарты поведения участников политико-экономических процессов. Но понимание причин и содержание этих процессов вполне может обеспечить в переговорных отношениях приоритет, мягко говоря, умнейшему, который создает страховочные защитные комплексы. Это при условии, что критерием принятия решения будет государственное мышление, которое размылось. Но ряд стран, а точнее представляющие их политики, даже и не просчитывают для своей державы ни издержек, ни выгод, а руководствуются лишь личными интересами, подписывая соглашения по участию в деятельности международных организаций. В этом, впрочем, еще одно проявление глобализма. Патриотизм национальный заменяется патриотизмом корпоративным, коалиционным и клановым. Словесная риторика о доминанте наднациональных интересов, которыми пытаются подменить национально-государственные интересы. Здесь следует разграничить действительно возникшие интересы мир-системы, обусловленные ее целостным образованием и глобальными проблемами от интересов национальных культур и экономик. Ведь оттого, что возникли монополии, не исчезла конкуренция. Она усложнилась, приобрела новые силы, проявления, формы, изменились ее последствия. На глобальном уровне возникла проблема *согласования национальных интересов* тех стран, которые хотя бы заявляют о своих мотивах и интересах.

Очевидно, что как международный регламентирующий институт ООН перестал выполнять данную функцию. Но возникли другие международные институты, которые постулируют нормы и принципы, безо всякого обсуждения, навязывая их всем остальным странам, как бы руководствуясь *всеобщим интересом*. Фактом же является то, что возникла новая форма частной собственности – право на фор-

мирование международных институтов и правил игры, которые в силу известных причин дают возможность извлекать глобальную ренту в виде *институциональной ренты*.

В теоретическом отношении здесь обнаруживается ряд проблем. Первая – более или менее реалистичный – это прогноз развития мир-экономики хотя бы на ближайшие два-три десятка лет. Вторая проблема заключается в изменении закономерностей институционального устройства мировой социально-экономической системы, национальных институтов, определение механизма их экспорта-импорта и особенностей неконфликтного формирования, например, *метаинститутов*. Задача последних состоит в осуществлении самой реальной, впрочем, как и аналитической процедуры институциональной интеграции и динамики. Институциональная реконструкция позволит в целом снизить трансакционные издержки и увеличить общий полезный эффект за счет снятия национальных рамок. В-третьих, следовало бы более конкретно и основательно «экономической теории» разобраться с интересами, которые обслуживают эти международные институты, и механизмом их деятельности, функционирования.

Есть онтологическая составляющая, которая внесла существенные изменения в причины, механизм и последствия эволюции технико-технологической, социально-экономической, природно-экологической и политической системы. Их устойчивая взаимосвязь предопределила то новое качество, которое лишило жесткой детерминированности в эволюции. Так называемые «случайные величины» приобрели доминирующее значение над жестко обозначенными линейными детерминантами развития. Та неопределенность, которая царит в современном мире, полностью подтверждает данное положение. Сейчас также можно наблюдать «накопление случайных величин», позволяющих ряду стран приобрести современную технико-экономическую базу для своего устойчивого развития в будущем. Они закладывают свой внутренний «порядок» из внешнего всеобщего «хаоса». Если сказать более четко, то речь идет о такой казалась бы далекой от экономики сферы, как культура, но которая выступает и институциональным фундаментом, и одновременно результатом человеческого хозяйствования. *Если некая экономическая модель способствует накоплению культурных ценностей, традиций, то, безусловно, в долгосрочном периоде она тяготеет к*

относительно устойчивому развитию. И наоборот. Правда, циклы эволюции культуры не совпадают с экономическими циклами. Однако, если абстрагироваться от того, что практически каждая страна представляет собой уникальную систему, объединяющую различного рода порядки, то можно выделить из них условно две принципиально отличающиеся модели: европейскую и американскую. Они наиболее изучены и сегодня выступают неким образцом для многих других стран. Они отличаются друг от друга приоритетом ценностей. В первой, европейской вещь выступает целью, а деньги средством. Американская модель ориентирует, прежде всего, на деньги, а потом на вещь. Ни в одной из моделей нет жизни как цели хозяйствования.

Парадокс ситуации в том, что сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность информационно-финансово-политическому капиталу, который, являясь в структуре капитала главным !? элементом, проводит рискованные спекулятивные операции на ресурсных, политических, фондовых и валютных рынках. И если в рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, поскольку никакой общественной потребности такие «услуги» не создают, то для вольных или невольных участников финансовой игры результаты чередуются от проигрыша к выигрышу и наоборот. Как правило, создавая очередные правила игры, включая и изменения в необходимом направлении содержания экономической науки, «большие капиталы» начинают и выигрывают. Но ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, всеобщего экономического хаоса и очередного мирового кризиса. Нам представляется, он не за горами...

Литература

1. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2.
2. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. – 2003. – вып. 3. – № 3.
3. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М., 2000.
4. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1.
5. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М., 1992.
6. Уэрто де Сото Хесус. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – Челябинск: Социум, 2008.
7. Anderson B. M. Economics and the Public Welfare. Indianapolis, 1979.
8. Hayek F. A. The Maintenance of Capital. *Economica*. August, 1934, chap. 3.
9. Hall R. Macrotheory and the Recession off 1990-1991 // *American Economic Review*, May 1993.
10. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003.
11. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер. с англ. – М., 1999.
12. *Business Week*, November 6, 2000.
13. Туроу Л. Будущее капитализма. – М., 1999.
14. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978.
15. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.
16. Лемещенко П. С. Социально-институциональная природа современного финансового кризиса // *Социология*, – Мн.: БГУ. – 2009. – № 1.
17. Кругман П. Великая ложь. – М.: АСТ, 2004.
18. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. – М., 2003.

Статья поступила в редакцию 25.05.2010